

Зарубина Н. Н.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ: ВЫЗОВЫ ДЛЯ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ России

Исследование осуществлено при финансовой поддержке РФФИ, грант № 12-06-00112-а.

Зарубина Наталья Николаевна —
доктор философских наук, профессор кафедры социологии
МГИМО (У) МИД России.
Проспект Вернадского, 76, Москва, 119454, Россия
E-mail: n-zarubina@yandex.ru
Тел.: +7 (916) 158 31 23

Аннотация. В статье рассматриваются социокультурные и институциональные проблемы инновационного развития современной российской экономики. Автор приходит к выводу, что важнейшим тормозом для инновационного развития во всех сферах социальной, экономической, культурной жизни России является не отсутствие социальных инноваций, а их слишком высокий темп. Социальная жизнь в России на протяжении нескольких столетий складывается в условиях постоянных трансформаций, представляющих собой попытки неорганичной модернизации, осуществлявшейся сверху. Реформирование экономики в 1990-х годах вышло за рамки допустимого «шага новизны» и вызвало упрощение и архаизацию хозяйства и человеческого капитала: закрытие и перепрофилирование высокосложных и наукоёмких современных производств, деквалификацию рабочей силы. Российский рынок и предпринимательство как сложившаяся система институтов сами по себе не мотивируют инновационное поведение участников. Более того, вследствие ориентации на немедленную рентабельность могут блокироваться именно инновационные виды деятельности, плохо поддающиеся выражению через формальные денежные показатели. Значительная часть общества испытывает отчуждение от происходящих изменений. Реакцией на отчуждение от социальных инноваций стала архаизация социальных практик. Она представляет собой более или менее осознанный отказ от инноваций в различных областях жизнедеятельности из-за их недоступности, недостаточности институциональных условий их освоения.

Для активизации инновационного потенциала российского общества необходимо, во-первых, совершенствовать хозяйственные институты таким образом, чтобы минимизировать возможность получения незаслуженного вознаграждения, сократить рентоориентированное предпринимательство, и одновременно стимулировать инновационные формы бизнеса. Во-вторых, необходимо снизить уровень социального неравенства и расслоения общества, сократить удельную массу социальных групп, адаптация которых к усложнению социума обеспечивается за счёт архаизации социальных практик, а не внедрения инноваций. В-третьих, снизить темпы неорганичных дисфункциональных социальных инноваций, сократить «шаг новизны».

Ключевые слова: социальные инновации, инновативность, «шаг новизны», социальное неравенство, сложное общество, адаптация, архаизация, повседневная жизнь.

Необходимость формирования в России инновационной экономики не вызывает сомнений — инновационное развитие в последние годы стало предметом исследований, и учёные разных специальностей, прежде всего экономисты и социологи, уже сделали ряд интересных выводов. Показательно, что их оценки нередко весьма существенно расходятся и даже противоречат друг другу.

С одной стороны, констатируются неудовлетворительные показатели инновационного развития России: в 2013 году в Глобальном индексе инноваций наша страна занимает 62 место из 142. По показателям доли инновационной продукции, внедрения инноваций на российских предприятиях и доли принципиально новых для рынка товаров Россия в разы отстаёт и от экономически развитых стран, и от Китая. Сами россияне прекрасно отдают себе отчёт в отставании страны в области инновационного развития. Так, более половины респондентов согласны с тем, что *наша страна слабее развитых стран мира в области внедрения инноваций в промышленности*, и ещё больше — почти 2/3 — высказались подобным образом об уровне *внедрения технических новинок в повседневную жизнь* [Шувалова, 2010: 41].

С другой стороны, по своим способностям находить инновационные решения, по творческим качествам россияне вовсе не уступают представителям других культур. Согласно исследованиям, проведённым по методике С. Шварца, российская молодёжь в чём-то даже превосходит сверстников более «инновационных» обществ по способностям к нахождению нестандартных решений, творческому потенциалу и т.п. [Ясин, Лебедева, 2009; Лебедева, 2009].

Так в чём же причина столь очевидной противоречивости в инновационном развитии России? Почему в нашей стране, при явной предрасположенности, и уж, во всяком случае, отсутствии враждебности к инновациям со стороны населения, налицо явное отставание в производстве и внедрении инноваций, в переходе экономики на инновационный тип развития? Некоторые исследователи склонны видеть причины этого в «культурном барьере», менталитете русского народа [Ясин, Лебедева, 2009: 18]. Всё же нам представляется, что инновационному развитию препятствуют не столько менталитет или характер культуры, сколько особенности социокультурной динамики и институциональных трансформаций, происходивших в процессе российских модернизаций.

Социокультурная природа инноваций и инновационного развития: вызовы для России

Для решения поставленного вопроса необходимо перейти от узкого экономического определения инновации как «продукта (новая конструкция, технология, организационный приём и т.п.), воплощённого в товаре, который пользуется спросом на рынке в силу своей новизны» [Ясин, Лебедева, 2009: 17], к их рассмотрению в более широком социокультурном и историческом контексте. Инновационная деятельность представляет собой *метадеятельность*, объектами которой выступают другие виды деятельности [Лапин, 2008: 45], рутинный характер которых так или иначе перестаёт удовлетворять потребностям общества, поскольку в таком виде они не дают ответа на возникающие перед ним новые проблемы и вызовы. Помимо собственно технологических и технических инноваций, принято выделять *социальные инновации*, предполагающие возникновение и распространение новых образцов поведения, отношений, норм и ценностей. Они должны предшествовать техническим и рыночным инновациям, готовить социокультурную почву для их возникновения и распространения.

Инновативность как особое качество деятельности и готовность общества к производству, принятию и распространению инноваций не являются *a priori* присущим человеку свойством, она формируются под воздействием определённой социокультурной среды. Целый ряд исследователей предложили свои ответы на вопрос о том, что же способствует инновативности. По упомянутой нами методике С. Шварца, в качестве ориентированных на инновации рассматривают культуры, в которых развиты такие ценности, как самостоятельность, открытость изменениям, ориентация на риск, а также универсалистские нравственные и социальные ориентации [Schwartz, Bardi, 2001: 268].

С. Шейн предложил рассматривать в качестве благоприятных для инновации два основных социокультурных признака. Во-первых, сглаженность иерархии, обеспечивающая децентрализацию власти и контроля, свободную коммуникацию, динамизм и гибкость социальных отношений. Во-вторых, индивидуализм, в особенности ориентации на индивидуальную достижительность, способствующую инициативе и творчеству [Shane, 1992: 29]. Л. Харрисон выделил десять признаков, отличающих динамичные, склонные к прогрессу, культуры от статичных. В их число входит ориентация на будущее, поощрение индивидуальных способностей и достижений, жёсткость этических норм и предписаний и т.п. [Харрисон, 2002: 294-295].

Таким образом, исследователи связывают инновационное развитие с социокультурными характеристиками общества модерна, а его отсутствие — с признаками традиционных обществ. Модернизация рассматривается как культурные трансформации, то есть социокультурные иннова-

ции, определяющие дальнейшую предрасположенность общества к активному производству и благоприятному восприятию нового. Инновативность минимальна в традиционных культурах потому, что они основаны на *устойчивости и сбалансированности* отношения человека к мирозданию, а также преобладании приписанных социальных статусов. Здесь индивид в ходе социализации получает набор знаний и навыков, вполне достаточный для ориентации в обществе и полноценного участия в повседневных практиках.

Предпосылки для инновационного развития возникают вместе с появлением *напряжённости между сознанием и бытием человека*, между мирским и сакральным, посюсторонним и трансцендентным. Инновативность как качество сознания и мышления, менталитета и культуры, а также готовность к внедрению инноваций как качество культуры, проявляются при возникновении «осевого времени», то есть, по выражению К. Ясперса, с осознанием человеком «самого себя и своих границ, ужаса мира и собственной беспомощности» [Ясперс, 1991: 30]. Э. Фромм, в свою очередь, отмечал, что «стремление к прогрессу не является врождённым свойством человека, противоречивость его существования — вот что заставляет человека двигаться вперёд... Будучи изгнанным из рая, утратив единство с природой, человек стал на путь вечного поиска, превратился в вечного странника (Одиссей, Эдип, Авраам, Фауст); он вечно должен идти вперёд, открывая всё новые и новые области неизвестного, заполняя пробелы в своих знаниях» [Фромм, 2003: 61]. Таким образом, инновации возникают как *разрешение противоречия*, проблемы, результат живой заинтересованности, ангажированности человека, и его жертвенной аскезы ради преодоления разрыва с мировым целым.

Блокируют инновационное развитие такие формы культуры, которые ориентированы на узко практическое, утилитаристское отношение к миру, препятствующее выходу за рамки очевидного и само собой разумеющегося, замыкающие человека в попытках приспособиться к окружающему миру, вместо того, чтобы изменить его. Известно, что открытия общецивилизационной значимости, сделанные в древнем Китае (компас, порох), не получили там разработки и практического применения за пределами узкой ритуальной сферы и не оказали существенного влияния на развитие общества. М. Вебер объяснял отсутствие в традиционном Китае эндогенных предпосылок обновления экономики и общества отсутствием напряжения между человеком и миром, обусловленным особенностями религиозного мировоззрения, принимавшего реальный мир как единственно возможный, гармоничный и благой. В то время как импульсом для инновационного развития западной

цивилизации, для модернизации, по мнению немецкого социолога, стало вызванное Реформацией предельное напряжение между повседневностью и духовной жизнью [Weber, 1923: 521; Вебер, 1990: 154].

Русская культура всегда отличалась напряжённостью нравственных исканий и глубокой озабоченностью высшими, трансцендентными смыслами бытия. Об укоренённости в русской культуре мотивации инновационного мышления свидетельствует присутствие в ней архетипа «Левши» — изобретателя-самородка, способного преобразовать существующие рутинные практики ради самого удовольствия от творчества. Однако между интеллектуальной и духовной инновативностью и практической реализацией инноваций существовал и продолжает существовать разрыв. Его преодолению препятствовали и косность традиционной среды, отторгающей новшества, и бюрократизированные управленческие институты, и особенности социокультурной динамики России.

Социальная жизнь в России на протяжении вот уже нескольких столетий складывается в условиях постоянных трансформаций и сопряжённых с ними социальных инноваций, которые можно охарактеризовать как попытки неорганичной модернизации, осуществлявшиеся сверху. Эти трансформации происходили по бинарной логике разрушения собственных основ традиционного устройства бытия и замены их на новые по принципу некритического заимствования чужих форм организации жизни. Сформировалась смысловая оппозиция «старое—новое», в которой, как заметил Ю. М. Лотман, «первое мыслится как плохое, неценное, а второе как исполненное достоинства», а также утверждается представление о необходимости бесконечного усовершенствования нового [Лотман, 2010: 207].

Таким образом, мы имеем дело с очередным парадоксом русской истории, состоящим в невозможности перейти на путь инновационного развития экономики в условиях *постоянных социальных инноваций*, трансформирующих самые глубокие основы жизни общества.

Известно, что бурное генерирование и заимствование инноваций не всегда сопровождается их продуктивным усвоением. А. С. Ахиезер ввёл понятие «шага новизны», которое, к сожалению не получило разработки в современных научных исследованиях. Оно означает величину допустимых новшеств, значимо не нарушающую комфортное состояние субъектов инновационного развития [Ахиезер, 1991: 443]. Нарушение «шага новизны» приводит к тому, что инновации не усваиваются и вызывают противоречия и конфликты, необходимость разрешения которых обуславливает не только отказ от инноваций, но и откат к более простым и архаичным институтам и формам культуры. Можно предположить, что нарушение «шага новизны» приводит к торможению инновационного развития, то есть *обновлениям в сфере экономики препятствует не отсутствие инноваций, а слишком быстрые и неорганичные обновления ценностей и норм, институтов и социальных структур*.

Рынок и бизнес в России: институты инновационного развития экономики или препятствия для него?

Распространено мнение, что именно капиталистическое предпринимательство и рынок, сформировавшиеся в Западной Европе на рубеже Нового времени, стали социально-экономическими институтами, способствующими массовому и постоянному производству и внедрению хозяйственных инноваций. Традиционное хозяйство, основанное, преимущественно, на автаркии и перераспределении, не создавало предпосылок для выхода за социально детерминированные пределы потребления, поэтому не способствовало обновлению как самого производства, так и производимых продуктов. Развитие рынка и превращение его в определяющую форму социальной интеграции хозяйства породило разрыв между производством, ориентированным теперь не на потребление, а на извлечение прибылей из обмена, и реальной востребованностью продукта. Этот разрыв привёл к росту неопределённости результатов хозяйственной деятельности, к необходимости постоянного обновления хозяйственных практик. Таким образом, именно рынок и ориентированный на него бизнес воспринимаются в качестве институтов, способствующих инновационной деятельности. Не случайно одним из основоположников теории инноваций стал экономист Й. Шумпетер, рассматривавший сущность предпринимательства как создание новых комбинаций факторов производства в целях извлечения прибыли [Шумпетер, 2007: 132-133].

Однако всегда ли рынок и экономическая модернизация способствуют инновационному развитию, и выполняют ли свои инновационные функции рынок и бизнес в современной России?

Й. Шумпетер показывает, что инновационная деятельность предпринимателей является на рынке *редкой* социальной ролью, поскольку действующие на рынке хозяйственные акторы стремятся к устойчивому воспроизводству уже проверенных эффективных практик, а не к принятию ответственности за риски и неопределённость, следующие за внедрением инновации. Исполнение же предпринимательской функции означает их «созидательное разрушение», приводящее к выходу за рамки сложившегося хозяйственного «кругооборота». Согласно концепции Й. Шумпетера, хозяйственные и организационные инновации и сама социальная роль инноватора-предпринимателя присуща не только рыночной экономике, но и вообще всем известным в истории формам хо-

зяйства — от первобытных обществ до социалистической плановой экономики [Шумпетер, 2007: 142-143]. В основе инновационной деятельности он видел изначально присущие некоторым людям личностные качества и порождённые ими специфические мотивы, такие как стремление к новизне, радость творчества [Шумпетер, 2007: 165-166]. В то же время, он не выделял какую-либо культурную традицию или социальную среду, которая была бы наиболее благоприятна для предпринимательства или инновационного развития экономики.

Рынок как форма хозяйства, ориентированная на извлечение прибыли из денежного обмена, по своей сути амбивалентен в отношении инноваций, то есть может как способствовать им, так и блокировать их. Второе происходит чаще, поскольку инновационное предпринимательство всегда не только сопряжено с повышенными рисками, но и требует наличия особой идеи, нового видения перспектив, вложения не только денег, но и энергии и интеллекта. Например, в пореформенной России в 70-80-е гг. XIX в. происходил интенсивный подъём банковского капитала и акционерный бум, принесший многим большие состояния, но не способствовавший обновлению хозяйства в целом. Благодаря этому статус предпринимателей получили люди, не имевшие к хозяйственно-организационной деятельности особых способностей и не приложившие для своего обогащения особых усилий. Они продолжали воспроизводить устойчивые традиционные формы хозяйствования, что позволило наблюдателям отметить, что даже в период интенсивного развития рыночной экономики и индустриального капитализма российским промышленникам был присущ «недостаток предприимчивости», стремление хозяйствовать по инерции, «боязнь убытка при выходе за привычные рамки», стремление сохранять «дело заведённое», идущее по принятому раз и навсегда порядку независимо от того, плох он или хорош [Наше купечество..., 1868: 4, 15-16]. Купец-предприниматель находился не в символическом ряду передового, прогрессивного, творческого, а, напротив, олицетворял глубоко традиционное, архаичное, застойное. И сам подъём русского капитализма вызывал у наблюдателей ассоциации не движения вперёд, у которого есть выраженный источник, локомотив, и которое сопровождается потоком свежего ветра, а брожения, разбухания бесформенной массы, вроде квашни [Наше купечество..., 1868: 38].

Аналогичные ассоциации вызывает и постсоветское развитие. Представляется, что причины кроются в том, что извлечение прибыли из рыночного обмена возможно не только за счёт инноваций, но и благодаря привлечению ресурсов другого рода — например, повышению нормы эксплуатации, монополизации, ограничениям конкуренции, привлечению административных ресурсов и связей с государственными структурами, протекционизму и т.д. Чем больше возможностей для использования внеэкономических ресурсов для обретения конкурентных преимуществ, тем

меньше рынок будет способствовать инновационной активности предпринимателей. По данным социологов, лишь 21% российских респондентов разделяют мнение, что компания, не производящая инноваций, не сможет уцелеть на рынке, в то время как в Западной Европе с этим согласны, в среднем, 40% респондентов (до 65% в Финляндии) [Шувалова, 2010: 40-41].

Не следует, однако делать поспешный вывод о непонимании россиянами роли инноваций в экономике. Представляется, что здесь дело не в недооценке конкурентных преимуществ, создаваемых внедрением инноваций. Просто наш опыт свидетельствует о том, что могут прекрасно себя чувствовать и компании, ничего не инвестирующие в инновационное развитие, но получающие рыночные предпочтения за счёт монополизации, доступа к финансам, к административным ресурсам, связей с государственными структурами или конкретными чиновниками и т.д. Проблемой современной российской социально-экономической системы является такое устройство её институтов, которое позволяет получать незаслуженные доходы вне реального вклада в экономику. Возможность получения таких доходов создаёт у субъектов хозяйственной деятельности ориентации вовсе не на инновационное развитие, а на получение ренты за счёт различных форм непродуктивной деятельности [Даниленко, 2013].

Реальный российский рынок и предпринимательство как сложившаяся система институтов сами по себе не мотивируют инновационное поведение участников. Более того, вследствие ориентации на немедленную рентабельность могут блокироваться именно сложные виды деятельности, плохо поддающиеся выражению через формальные денежные показатели — например, научные исследования, художественное творчество, и приносящие лишь отсроченную прибыль [Зарубина, 2011: 29].

Серьёзнейшей проблемой для современной России, в первую очередь для инновационного развития экономики, стала декалфикация рабочей силы, деградация человеческого капитала, произошедшая после рыночных преобразований начала 1990-х гг. Реформирование экономики тогда вышло за рамки допустимого «шага новизны» и вызвало не усложнение, а упрощение и архаизацию хозяйства и человеческого капитала: закрытие и перефилирование высокосложных и наукоёмких современных производств, переход высококвалифицированных специалистов в примитивный «челночный бизнес», активизацию бартерных обменов, натуральные формы вознаграждения за труд, самообеспечение за счёт активизации натурального хозяйства, и т.д.

В этот же период активизировались и теневые и криминальные формы хозяйственной и предпринимательской деятельности, ставшие реакцией на обширные пробелы в правовых и управленческих нормативных системах, которые возникли в результате неорганичных социальных инноваций. Всплеск насилия в «лихие 90-е», затронувший, в первую очередь, представителей бизнеса и «новых богатых», является ярчайшим примером активизации архаичных, *до-цивилизованных* социальных отношений, аскриптивных общностей и практик, которым российское общество того времени ничего не могло реально противопоставить [Ерасов, 2002: 474]. Более того, у криминала нашлись свои «апологеты», рассматривавшие его не как скатывание общества в до-цивилизованное состояние, а как проявление социальных инноваций. Криминализация и реальная архаизация социальных отношений парадоксальным образом воспринималась в качестве процесса разрыва с «архаикой» как устоявшейся формой социальной регуляции в «немодернизированном» обществе, в то время как критика подобных деструктивных тенденций как раз и рассматривается в качестве «архаизации», то есть неприятия инновационных тенденций социокультурного развития [Сергеев, 2012].

Всё же представляется, что процесс восприятия и закрепления социальных инноваций осуществляется не как снятие ограничений на заведомо девиантные, криминальные практики и их постепенная легализация, а как их ограничение и пресечение посредством утверждения новых нормативных порядков и ценностных образцов. В современной России этот процесс идёт весьма сложно. Исследователи выражают озабоченность тем, что сложившийся в нашей стране тип экономических отношений «тормозит развитие производительных сил», то есть не только не стимулирует рост инновативности, но и способствует относительной деквалификации, причём как среди рабочих и обслуживающего персонала, так и среди управляющего звена. Многие из существующих форм занятости не ориентированы на повышения уровня современных навыков и умений и способствуют архаизации труда. Например, несмотря на постоянно повторяемые на самом высоком уровне мантры об информатизации и компьютеризации, в профессиональных целях постоянно или хотя бы иногда пользуется компьютером лишь 13% рабочих, в целом же 58% работающих россиян не используют навыки работы на компьютере [Готово ли..., 2010: 72-73].

При этом регулярное повышение квалификации пока не стало нормой для российских работников, значительная часть которых довольствуются имеющимися навыками и не связывает с их обновлением свой профессиональный рост. Скорее всего, это происходит не столько по причине лени и отсутствия стремления к развитию, сколько в силу отсутствия востребованности высокой квалификации на современном российском рынке труда. Так, по данным А. А. Возмителя, по сравнению с советским периодом (1981-1982 гг.) к 2008 году в 1,6 раза (с 57 до 36%) снизилась доля людей, чьи

знания, способности, возможности соответствуют выполняемой работе, а число тех, чья профессиональная квалификация и творческий потенциал не востребованы на работе, выросло в 2,4 раза [Возьмитель, 2012: 69-70]. Если принять во внимание мировой опыт, который говорит о том, что значительная часть инновационных рационализаторских предложений на производствах исходит непосредственно от рабочих, то существующее положение дел свидетельствует об отсутствии значимых предпосылок для инновационного развития в ближайшее время.

Развитие современной российской экономики, в том числе и рынка труда, в условиях наметившегося в 2013-2014 гг. замедления её роста и проявления кризисных тенденций, предъявляет участникам хозяйственной жизни множество вызовов, которые требуют поиска инновационных ответов. Однако такой поиск блокируется, на наш взгляд, не отсутствием желания новизны или неспособностью её производить, а состоянием институтов, которые в настоящее время позволяют участникам рынка получать незаслуженные конкурентные преимущества, способствуют упрощению и архаизации хозяйственной деятельности. Для прорыва России необходимы институциональные трансформации, которые не только повысят реальную привлекательность инновационной деятельности (развитие финансирования, налоговые льготы и т.д.), но и при этом минимизируют доступность незаслуженных доходов для бизнеса.

Архаизация повседневных социальных практик как препятствие для инновационного развития России

Главная проблема инновационного развития современной России состоит в том, что ни рынок, ни бизнес, ни какие-либо другие институциональные структуры пока не соответствуют высокому темпу динамики *современного сложного общества*. Адаптация к сложному, быстро и зачастую непредсказуемо меняющемуся социуму требует институционализации условий для деятельности активных самоорганизованных акторов [Кравченко, 2012], способных не только использовать инновационные решения, но и самостоятельно инициировать новации. Колебания рыночной конъюнктуры, валютных курсов, условий занятости, экологические риски вынуждают современного человека к быстрой смене места работы, потребительских привычек, бытового уклада

и т.д., то есть инновативность должна предполагаться институциональными основами общества как базовая форма адаптации к его сложности. Проблема современной России состоит в том, что на массовом уровне адаптация к усложнению социума и ускорению его динамики происходит не через развитие инновативности и использование инноваций, а посредством архаизации социальных практик, то есть стихийного обращения к решениям, почерпнутым из прошлого, как к возможности адаптироваться к сложности через поиск «простых» ответов. Архаизация представляет собой более или менее осозанный отказ от инноваций в различных областях жизнедеятельности как реакцию на недоступность последних, невозможность приобщения к ним в силу недостаточности институциональных условий их освоения. Архаизация не связана непосредственно с ростом преступности и отклоняющегося поведения, с дегуманизацией общественных отношений, хотя иногда и сопутствует им. Она представляет собой не асоциальное, а упрощённое поведение как сознательный отказ от освоения инновационных, более сложных социальных практик.

Упрощённые практики становятся доступным ответом на вызов сложности современного общества, которые позволяют осуществлять организацию социальной жизни на массовом уровне, удовлетворяя потребность людей в предсказуемости и повторяемости, в однозначных рациональных интерпретациях происходящего. Они позволяют формировать и воспроизводить относительно устойчивые параметры порядка, создают ощущение стабильности и безопасности в условиях растущих рисков. Однако социокультурная амбивалентность упрощённых социальных практик состоит в том, что они сводят к простейшим шаблонным действиям необходимое многообразие форм социальной адаптации, требуемых сложным обществом, не позволяют социальным акторам развивать инновативность и самоорганизацию.

Хозяйственные инновации тесно связаны с повседневной жизнью людей. Любая инновация, будь то социальная или чисто техническая, в конечном счёте, должна войти в повседневные практики, адаптироваться ими и стать их неотъемлемой частью. Как показывают данные социологов, лишь 18% российских респондентов согласились с утверждением, что *инновационные продукты облегчают повседневную жизнь*, в то время как в Европе с этим согласились 43% [Шувалова, 2010: 40–41]. Это объясняется, на наш взгляд, не только недоступностью инновационных продуктов для значительной части населения нашей страны, но и уровнем повседневных проблем, которые далеко не всегда могут быть решены с помощью технических новинок. Доступ в Интернет вряд ли существенно улучшит жизнь российской глубинки, где люди нередко не имеют элементарных удобств и реального доступа к социальной инфраструктуре.

Специфика инноваций в повседневности состоит в том, что их внедрение протекает почти незаметно для осуществляющих их акторов. Повседневная жизнь представляет собой сложный диалектический процесс воспроизводства

рутинных практик и их непрерывного обновления. Можно согласиться с А. Шютцем, что повседневность постоянно меняется, она подобна реке, в воды которой нельзя войти дважды, однако эти изменения носят постепенный и системный характер: «система, возможно, полностью изменилась, но она изменилась как система; она никогда не подрывалась и не низвергалась; даже при своей модификации она всё ещё остается подходящим инструментом для управления жизнью» [Шютц, 2003: 215]. Поэтому повседневная жизнь особенно чувствительна к «шагу новизны», и его превышение именно в ней провоцирует конфликты и архаизацию практик как форму отторжения инноваций, к которым общество не готово.

Специфика России состоит в том, что практически все российские модернизации, начиная с реформ Петра I, бесцеремонно ломали повседневность ради создания новых искусственных конструкций, требовали готовности переопределять заново все привычные принципы социального устройства. Важнейшей проблемой стала необходимость каждый раз переопределять практически все структуры повседневного бытия, содержание социальных ролей, нормы и правила, стереотипные интерпретации и оценки. Так, в период реформ 1990-гг. от россиян потребовалась способность в очень сжатые сроки сменить стереотипы действий, сложившиеся в условиях перераспределительной плановой экономики и государственного патернализма, на хозяйственную самоорганизацию в условиях фактически «дикого» рынка, не имеющего чётких институциональных оснований. Внедряемые «сверху» социальные инновации превосходили допустимый «шаг новизны», поэтому и вызывали распад институтов, деградацию социокультурной системы и активизацию упрощённых, архаичных социальных практик как способов адаптации к неприемлемо быстрым и неорганичным изменениям.

Важнейшим тормозом для инновационного развития во всех сферах социальной, экономической, культурной жизни России является, на наш взгляд, не отсутствие социальных инноваций, а их слишком высокий темп. Поэтому значительная часть общества испытывает отчуждение от происходящих изменений. По данным социологов, собственную беспомощность, неспособность влиять на происходящее вокруг в 2011 г. *часто* испытывали 36% опрошенных, а *иногда* — 50%. Россияне разделились на две категории, два социальных мира — обеспеченности, уверенности в себе, чувства «хозяина своей судьбы», и социальной эксклюзии, отчуждённости, зависимости от внешних сил, неспособности контролировать свою судьбу [Двадцать лет реформ..., 2011: 63-64]. В сложном обществе

происходит разделение на анклавные, включённые в процессы инновационного развития и ставшие реальной частью мирового сообщества и глобальной культуры, и на маргинальные «некоммуникабельные пространства нефункционального и дисфункционального толка» [Кравченко, 2012: 31]. Это группы, не воспринимающие культурные и технологические инновации, ощущающие себя исключёнными из общественной жизни, испытывающие отчуждение от собственной жизни, не имеющие надежд и планов на будущее, вынуждены адаптироваться к усложнению общества путём принятия упрощённых схем действий и архаизации социальных практик.

Инновационному развитию современной России препятствует пассивность, уход в быт, в потребительство, а также отсутствие «больших проектов», которые могли бы мобилизовать творческую инициативу. Вместо активного социального творчества люди возвращаются к зависимости от решений, принятых другими — органами власти, политическими лидерами и партиями, лидерами общественного мнения и т.д. По данным Института социологии РАН, «жить в более справедливом и разумно устроенном обществе» мечтает 33% респондентов, однако быть полезным обществу, внести «свою лепту» в развитие России — лишь 11%. Среди идеалов россиян лидирует мечта «жить в достатке, иметь возможность тратить деньги, не считая копейки» — ей предаются 40% респондентов. В то же время, о хорошем образовании мечтают лишь 12%, о собственном деле — 15%, только 7% мечтает устроиться на хорошую работу, и всего 4% — заслужить известность и уважение [О чём мечтают..., 2013: 23].

Одним из проявлений упрощения и архаизации повседневных практик, негативно влияющих на инновационное развитие современной России, являются трансформации досуга. Именно в цивилизованных формах досуга раскрывается самооценочность культурного творчества, наращиваются интеллектуальный потенциал и навыки, которые благодаря своему неутилитарному характеру способствуют развитию инновативности. Но для того, чтобы досуг выполнял функцию развития человеческого потенциала, он должен быть содержательным, а не сводиться к архаичным формам отдыха как простого «ничегонеделания», и не расходоваться на выполнение рутинной домашней работы.

В настоящее время в России социологи констатируют стабильное массовое воспроизводство пассивных форм домашнего досуга как «просто отдыха» (49% по данным 2012 г.), а также работы по дому (47% в 2012 г.). С 2003 по 2012 годы незначительно, но сократилось количество приверженцев «домашних хобби» (с 19% в 2003 г. до 15% в 2012 г.), тех, кто в свободное время занят самообразованием (с 15% в 2003 г. до 13% в 2012 г.), посещает музеи и выставки (с 8 до 6% соответственно) [О чём мечтают..., 2013: 222]. В то же время, исследователь российской повседневности А. А. Возьмитель отмечает, что не наблюдается роста сложных современных, внедомашних форм досуга и досуга-участия, ориентированного на развитие человеческого капитала, — участия

в работе общественных организаций, получения дополнительного образования, посещения клубов по интересам и т.п. При этом с 2003 по 2012 гг. в 8,5 раз выросла доля россиян, занятых в свободное время работой для дополнительного заработка [Возьмитель, 2012: 89], что свидетельствует о фактическом сокращении объёма свободного времени для значительной части населения.

Свободное время как ресурс развития человеческого капитала, повышения творческого и инновационного потенциала общества, в настоящее время не только не использован в полной мере, но и происходит его архаизация, контрпродуктивная для инновационного развития.

Россия является сложным, динамично развивающимся обществом, перспективы которого в современном мире во многом зависят от его способности мобилизовать инновационный потенциал. Однако постсоветские трансформации институциональной и социокультурной базы национальной инновационной системы не способствуют, а, скорее, препятствуют её развитию. Для активизации инновационного потенциала, который присущ русской культуре, необходимо, во-первых, совершенствовать хозяйственные институты таким образом, чтобы минимизировать возможности получения незаслуженного вознаграждения, сократить рентоориентированное предпринимательство, и одновременно стимулировать инновационные формы бизнеса. Во-вторых, необходимо снизить уровень социального неравенства и расслоения общества, вызывающих отчуждение, и таким образом сократить удельную массу социальных групп, адаптация которых к усложнению социума обеспечивается за счёт архаизации социальных практик, а не внедрения инноваций. В-третьих, снизить темпы неорганических дисфункциональных социальных инноваций, сократить «шаг новизны», то есть проявить внимание к способности общества реально усваивать осуществляемые социальные инновации.

Список литературы

Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта. Т. III. М.: Изд-во ФО СССР, 1991. — 470 с.

Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. В кн.: Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. — 808 с.

Возьмитель А. А. Образ жизни: тенденции и характер изменений в пореформенной России. М.: ИС РАН, 2012. — 230 с.

Готово ли российское общество к модернизации? Аналитический доклад. М.: ИС РАН, 2010. – 180 с.

Двадцать лет реформ глазами россиян: опыт многолетних социологических замеров / под ред. М. К. Горшкова, Р. Крумма, В. В. Петухова. – М.: Весь Мир, 2011. – 328 с.

Даниленко Л. Н. Феномен рентоориентированного поведения в институциональном аспекте // Мир России, 2013. Т. 22, № 3. с. 35-59.

Ерасов Б. С. Цивилизации: универсалии и самобытность. М.: Наука, 2002. – 524 с.

Зарубина Н. Н. Деньги как социокультурный феномен. М.: Анкил, 2011. – 200 с.

Кравченко С. А. Социальные реалии и социология: подходы // Россия реформирующаяся. Ежегодник. Вып. 9. М.: Новый хронограф, 2010. С. 24-43.

Кравченко С. А. Становление сложного общества: к обоснованию гуманистической теории сложности. М.: МГИМО-Университет, 2012. – 306 с.

Лапин Н. И. Теория и практика инноватики. М.: Логос, 2008. – 328 с.

Лебедева Н. М. Ценности культуры, экономические установки и отношение к инновациям в России // Журнал ГУ-ВШЭ «Психология», 2008, Т. 5, № 2. С. 68-88.

Лебедева Н. М. Ценности и отношение к инновациям российских и канадских студентов // Психологический журнал, 2009, Т. 30, № 5. С. 110-121.

Лотман Ю. М. Проблема знака и знаковой системы в типологии русской культуры XI—XIX веков. В кн.: Лотман Ю. М. Чему учатся люди. М.: Центр Книги Рудомино, 2010. – 416 с.

Наше купечество и торговля с серьёзной и карикатурной стороны. М., 1867-1868. – 228 с.

О чём мечтают россияне. Идеал и реальность. М.: Весь мир, 2013. – 400 с.

Сергеев Д. В. Социально-культурная ситуация в России начала XXI в.: рецидивная культура, архаизация, изобретенная архаика // Мир России, 2012, № 3. С. 100-118.

Фромм Э. Человек для самого себя. Минск: Харвест, 2003. – 352 с.

Харрисон Л. Способствуя прогрессивным преобразованиям в культуре // Культура имеет значение. М.: Московская школа политических исследований, 2002. – 320 с.

Шувалова О. Р. Индикаторы инновационного климата в России (по итогам массовых опросов населения) // Форсайт, 2010, Т. 4, № 1. С. 41.

Шумпетер Й. А. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия. Пер. с нем. – М.: Эксмо, 2007. – 864 с.

Шютц А. Возвращающийся домой. В кн.: А. Шютц. Смысловая структура повседневного мира. Очерки по феноменологической социологии. М.: Ин-т Фонда «Общественное мнение», 2003. — 336 с.

Ясин Е. Г., Лебедева Н. М. Культура и инновации. К постановке проблемы // Форсайт, 2009, № 2 (10). С. 16-26.

Ясперс К. Истоки истории и её цель. Вып. 1. М.: ИНИОН, 1991. — 217 с.

Schwartz S. H., Bardi A. Value Hierarchies Across Cultures: Taking a Similarities Perspective // Journal of Cross-Cultural Psychology, 2001, v. 32.

Shane S. Why Do Some Societies Invent More Than Others? // Journal of Business Venturing, 1992, № 7.

Weber M. Gesammelte Aufsätze zur Religionssoziologie. B. I. Konfuzianismus und Taoismus. Tübingen, 1923. — 708 S.

Socio-cultural and institutional contradictions: calls for the innovative development of Russia

The study was financially supported by RFBR grant № 12-06-00112-a.

Zarubina Natalia Nikolaevna

Doctor of Philosophical Sciences, professor in the Department of Sociology of Moscow State Institute of International Relations, (MGIMO-University), Prospect Vernadskogo, 76, Moscow, 119454, Russia. E-mail: n-zarubina@yandex.ru

Abstract. The article addresses the socio-cultural and institutional problems of the innovative development of the Russian economy. The author concludes that the most important obstacle to innovative development in all spheres of the social, economic and cultural life of Russia is not the lack of social innovations but its extremely high pace. Social life in Russia for centuries formed under constant transformations representing non-organic attempts at modernisation from the up side. Economic reforms in the 1990s went beyond the permissible “step novelty” and caused the simplification and archaisation of the economy and human capital, resulting in the closure and conversion of modern high-tech industries, losing the skills of the workforce. Russian markets and entrepreneurship, understood as the existing system of institutions, themselves do not motivate the innovative behaviour of the participants. Furthermore, due to the orientation toward an immediate return, the innovative activities can be blocked because it is difficult to be evaluated using formal monetary indicators. A significant part of society feels alienated from the changes taking place. In response to the alienation from social innovation comes the archaisation of social practices. It is more or less a conscious rejection of innovations in various areas of life due to its inaccessibility and the lack of an institutional environment for its development.

To activate the innovation potential of Russian society, is necessary to firstly improve economic institutions to minimise the possibility of obtaining undeserved rewards, reduce rent-seeking enterprises, and simultaneously stimulate innovative forms of business. Secondly, it is necessary to reduce the levels of social inequality and social stratification to reduce the specific gravity of social groups, which adapt to modern society through the archaism of social practices rather than innovation. Thirdly, it is necessary to reduce the rate of non-organic dysfunctional social innovation and to reduce the “step novelty.”

Keywords: social innovation, innovativeness, «step novelty», social inequality, complex society, adaptation, archaism, everyday life.

REFERENCES

- Akhiezer A. S. Rossiya: kritika istoricheskogo opyta. [*Russia: a critique of the historical experience*]. Т. III. М.: Izd-vo FO SSSR, 1991 – 470 s. (In Russ.).
- Veber M. Protestantskaya etika i dukh kapitalizma. [*The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism*]. V kn.: Veber M. Izbrannye proizvedeniya. М.: Progress., 1990. – 808 s. (Russ. Ed.).
- Voz'mitel' A. A. Obraz zhizni: tendentsii i kharakter izmenenii v poreformennoi Rossii. [*Lifestyle trends and nature of changes in post-reform Russia*]. М.: IS RAN, 2012. – 230 s. (In Russ.).
- Gotovo li rossiiskoe obshchestvo k modernizatsii? Analiticheskii doklad. [*Is Russian society towards modernization. Analytic report*]. М.: IS RAN, 2010. – 180 s. (In Russ.).
- Dvadsat' let reform glazami rossiyan: opyt mnogoletnikh sotsiologicheskikh zamerov. Pod red. M. K. Gorshkova, R. Krumma, V. V. Petukhova. [*Twenty years of reform through the eyes of Russians: the experience of long-term measurements of sociological*]. – М.: Ves' Mir, 2011. – 328 s. (In Russ.).
- Danilenko L. N. Fenomen rentoorientirovannogo povedeniya v institutsional'nom aspekte. [*The phenomenon of rent-seeking behavior institutionally*]. J. Mir Rossii, 2013. Т. 22, № 3. s. 35-59. (In Russ.).
- Erasov B. S. Tsvivilizatsii: universalii i samobytnost'. [*Civilization: Universal and identity*]. М.: Nauka, 2002. – 524 s. (In Russ.).
- Zarubina N. N. Den'gi kak sotsiokul'turnyi fenomen. [Kravchenko S. A. Sotsial'nye realii i sotsiologiya: podkhody [*The Social Realities and Sociology: Approaches*]. J. Rossiya reformiruyushchayasya. Ezhegodnik. Vyp. 9. М.: Novyj khronograf, 2010. S. 24-43. (In Russ.).
- Kravchenko S. A. Stanovlenie slozhnogo obshchestva: k obosnovaniyu gumanisticheskoi teorii slozhnosti. [*Formation of a complex society: to the justification of the humanistic theory of complexity*]. М.: MGIMO-Universitet, 2012. – 306 s. (In Russ.).
- Lapin N. I. Teoriya i praktika innovatiki. [*Theory and Practice of Innovation*]. М.: Logos, 2008. – 328 s. (In Russ.).
- Lebedeva N. M. Tsennosti kul'tury, ekonomicheskie ustanovki i otnoshenie k innovatsiyam v Rossii. [*Cultural values, economic attitudes and attitudes towards innovation in Russia*]. J. Zhurnal GU-VShE «Psikhologiya». 2008. Т. 5, № 2. S. 68-88. (In Russ.).
- Lebedeva N. M. Tsennosti i otnoshenie k innovatsiyam rossiiskikh i kanadskikh studentov. [*Values and attitudes to innovation Russian and Canadian students*]. J. Psikhologicheskii zhurnal. 2009 Т. 30, № 5. S. 110-121. (In Russ.).
- Lotman Yu. M. Problema znaka i znakovoi sistemy v tipologii russkoi kul'tury XI–XIX vekov. [*Sign problem and sign system in the typology of Russian culture XI–XIX centuries*]. V kn.: Lotman Ju. M. Chemu uchatsya lyudi. М.: Tsentr Knigi Rudomino. 2010. – 416 s. (In Russ.).

Nashe kupechestvo i trgovlya s ser'eznoi i karikaturnoi storony. [*Our merchants and trade with serious and cartoonish hand*]. M., 1867-1868. — 228 s. (In Russ.).

O chem mechtayut rossiyanе. Ideal i real'nost'. [*What Russians dreams. Ideal and the reality*]. M.: Ves' mir, 2013. — 400 s. (In Russ.).

Sergeev D. V. Sotsial'no-kul'turnaya situatsiya v Rossii nachala XXI v.: retsidivnaya kul'tura, arkhazitsiya, izobretnennaya arkhayka. [*The socio-cultural situation in Russia at the beginning of XXI century.: Recurrent culture, archaism, invented archaic*]. J. Mir Rossii. 2012. № 3. S. 100-118. (In Russ.).

Fromm E. Chelovek dlya samogo sebya. [*Fromm Erich. Man For Himself. An inquiry into the psychology of ethics. Holt, Rinehart and Winston. New York, 1964*]. Minsk: Harvest, 2003. — 352 s. (Russ. Ed.).

Kharrison L. Sposobstvuya progressivnym preobrazovaniyam v kul'ture. [*Contributing progressive transformations in culture*]. J. Kul'tura imeet znachenie. M.: Moskovskaya shkola politicheskikh issledovaniy. 2002. — 320 s. (In Russ.).

Shuvalova O. R. Indikatory innovatsionnogo klimata v Rossii (po itogam massovykh oprosov naseleniya). [*Indicators of innovation climate in Russia (based on the mass population surveys)*]. J. Forsajt. 2010. T. 4. № 1. S. 41. (In Russ.).

Shumpeter I. A. Teoriya ekonomicheskogo razvitiya. Kapitalizm, sotsializm i demokratiya. [*Theory of Economic Development. Capitalism, Socialism and Democracy*]. Per. s nem. — M.: Eksmo, 2007. — 864 s. (In Russ.).

Shyutts A. Vozvrashchayushchiysya domoi. [*Returns home*]. V kn.: A. Shyutts. Smyslovaya struktura povsednevnogo mira. Ocherki po fenomenologicheskoi sotsiologii. M.: In-t Fonda «Obshchestvennoe mnenie», 2003. — 336 s. (In Russ.).

Yasin E. G., Lebedeva N. M. Kul'tura i innovatsii. K postanovke problem. [*Culture and innovation. Statement of the Problem*]. J. Forsait. 2009. № 2 (10). S. 16-26.

Yaspers K. Istoki istorii i ee tsel'. [*The origins of the history and its purpose*]. Vyp. 1. M.: INION, 1991. — 217 s. (Russ. Ed.).

Shane S. Why Do Some Societies Invent More Than Others? *J. Journal of Business Venturing*, 1992, № 7.

Weber M. Gesammelte Aufsätze zur Religionssoziologie. B. I. Konfuzianismus und Taoismus. Tuebingen, 1923. — 708 S.

Schwartz S. H., Bardi A. Value Hierarchies Across Cultures: Taking a Similarities Perspective. *J. Journal of Cross-Cultural Psychology*, 2001, v. 32.

